

См. материалы правды
26 января 1940г.

ГАМАЮН, ПТИЦА ВЕЩАЯ

К 90-летию со дня рождения
Александра Блока

АЛЕКСАНДРУ Блоку шел девятнадцатый год, когда, на самом исходе прошлого века, в глухое, застойное время, написал он стихи о Гамаюне — вещей птице древнерусских народных сказаний. Это — как бы заставка ко всему творчеству Блока. Здесь впервые прозвучала нота той безумной тревоги и той жгучей тоски по святой человеческой правде, которые сделали Блока великим национальным поэтом. Ломкий, еще неокрепший юношеский голос уже пророчествовал о кровавых казнях и полыхающих пожарах, о силе злодеев и гибели правых.

Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!

Прошло немного лет, над страной прогремела освежительная гроза Первой революции — и Александр Блок сам стал Гамаюном России, ее вещим поэтом, предсказавшим неотвратимо надвигавшиеся на нее еще более грозные и величественные события — «неслыханные перемены» и «невиданные мятежи».

Непрост и нелегко был творческий путь Александра Блока, приведший его от лирической уединенности и мистических фантазий к родине, к народу, к революции. Для того чтобы достойно пройти этот путь, нужны были большие духовные силы. Блок был наделен ими щедро. Дело было не только в громадном лирическом таланте, но и в таких драгоценных человеческих дарованиях, как искренность, совестливость, сознание гражданского долга, горячее гуманистическое чувство, наконец, удивительная чуткость к противоречиям социально-исторической действительности, предельно обострившиеся в эпоху империализма и пролетарских революций.

Начавшийся в России подъем освободительной борьбы захватил и молодого Блока. События 1905 года произвели на него впечатление оглушительное. Жизнь, реальная, кипучая, раскаленная русская жизнь нахлынула на поэта и подняла его на свой гребень. «Выхожу я в путь, открытый взорам...», — сказал он в стихах, написанных в то время. И он, действительно, выходил на широкий простор большой поэзии, обращенной к миру, к родине, к людям.

В лирике Блока выступают на первый план и развиваются в тесном переплетении темы России и революции, мотивы беспредельной любви к родине, сердечного сочувствия к человеку и гневного обличения «сытых» — тех, кто позорил родину и угнетал народ.

Приют ты в далах необъятных!
Как и жить и плакать без тебя! — так обращался Блок к разбуженной первой революцией народной России, с которой связывал «все пути и все надежды». А старую царскую, буржуазную Россию, уже поколебленную революционной бурей, но еще устоявшую и казавшуюся еще нарядной и сильной, заклеивал позитивные неотразимым словечком: «прогнивший хлев».

В дальнейшем, в черные годы реакции, любовь и гнев Блока приобретают все больший накал. В обстановке жестокого контрреволюционного террора и политического ренегатства либеральной интеллигенции он четко определяет свою общественно-литературную позицию и обращается с призывом к русскому пролетариату (в стихотворении, которое в рукописи было так и озаглавлено: «Рабочему»):

Эй, встань, и загорись, и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!..

Тяжело переживая поражение революции, Блок прозорливо оценил его как «случайную победу» царизма и, не теряя спасительной веры в будущее, поедрекал новые, еще более ожесточенные битвы. В гениальных стихах «На поле Куляковом» (1908 год), размышляя об исторических судьбах России, он сквозь непроглядный мрак настоящего прозревал светлое будущее и готовился к борьбе за него:

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьиим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем,
Теперь твой час настал.

Молись!..
«Не может сердце жить покоем...» — вот самая постоянная, самая настойчивая, самая громкая нота высокой лирики Александра Блока. Он не знал и не ждал покоя, а жила и творила «в огне и холоде тревог», в вечном напряжении ума и

души, чутко прислушиваясь к тому, что происходило вокруг него в мире, к «подземному шороху истории» (говоря его словами).

Жизнь раскрывалась перед Блоком все шире, во всем своем богатстве и нищете, во всей своей изначальной красоте и трагической сложности.

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!
И смотрю, и вражду измеряю,
И ненавижу, и люблю:
За мученья, за гибель — я знаю —
Все равно: принимаю тебя!

Мученья и гибель — это тоже постоянные темы Блока. Трагическое переживание окаянной «лживой жизни» в «страшном мире» капитализма, где человек обречен на муки и унижения, окрашивает многое из того, что написал Блок, в мрачные тона. Но трагизм его поэзии исторически понятен и объясним: в ней отразился душевный опыт глубокого, искреннего переживания той трагедии, которую во времена Блока переживала вся Россия.

Трагическое — не значит пессимистическое. Трагедия не «отрицает жизни» вообще, но только определенные ее формы. Она всегда ставит вопрос о смысле и цели жизни, всегда обращена к будущему, всегда зовет к героическому подвигу во имя настоящей, а не лживой жизни. Сам Блок именно так понимал трагедию: «...тут нет отчаянья, вялости, опускания рук». Поэтому мрачные думы, порой овладевавшие Блоком, никогда не пересиливали его упрямой веры в «новый век», который неизбежно «возойдет средь всех несчастных поколений».

До нас дошло замечательное письмо Блока к одному из его юных литературных поклонников, — оно было написано в 1912 году, когда творческий гений поэта достиг полного расцвета. Письмо все посвящено обоснованию понятия «чувство будущего», без которого, как доказывает Блок, нет и быть не может ни полноценной жизни, ни подлинного искусства: «Мы пришли не тосковать и не отдыхать... Человек есть будущее... Пока есть в нас кровь и юность, — будем верны будущему... Если вы любите мои стихи, преодолейте их яд, прочтите в них о будущем».

Блок жил ожиданием будущего, ожиданием гибели старого мира. И верил, что грядущие поколения правдиво прочитают его стихи, проникнут в их суть, преодолеют «яд» мучительно-горестных раздумий о той неправой, тяжелой, губительной жизни, которая окружала поэта в «страшном мире» и которую он не устает страстно обличать и проклинать. Об этом говорит великодушное стихотворение Блока, — оно может служить его творческой декларацией:

О, я хочу безумно жить!
Все сущее — увеночить,
Безлиное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!
Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем снает обо мне!
Простим упрямство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

«Прекрасна судьба поэта, который сам назвал себя «торжеством свободы». Накануне крушения старой России Александр Блок бесспорно занял первое место среди ее поэтов. Людям, любящим и понимающим поэзию, было ясно, что он стал вровень с великими лириками прошлого. Уже были созданы его шедевры, навсегда вошедшие в сокровищницу русской и мировой поэзии — классический третий том лирики (с его центральными циклами — «Страшный мир», «Ямбы», «Итальянские стихи», «Арфы и скрипки», «Кармен», «Родина»), поэма «Соловьиный сад», драма «Роза и Крест», главы «Возмездия». Поэт в совершенстве овладел высоким и строгим мастерством, виртуозными, бесконечно разнообразными ритмами, гибким музыкальным языком, магия которого неотразимо действовала на его современников, как ныне действует и на нас.

В 1916 году Блок записал для себя: «На днях я подумал о том, что стихи писать мне не нужно, потому что я слишком умею это делать. Надо еще измениться (или — чтобы вокруг изменилось), чтобы вновь получить возможность преодолевать матерьял».

Прошел год — и в России начались изменения, каких не знала история. Свержение самодержавия Блок встретил как наступление «новой жизни», но вскоре же судьба революции стала его страшно тревожить: всей душой был он на стороне «всего революционного народа», а не либерально-буржуазных краснов-

баев с их классово-корыстными интересами. В июне 1917 года он пишет жене: «...содержанием всей жизни становится всемирная Революция, во главе которой стоит Россия».

С этим убеждением, с этой верой Александр Блок встретил Великую Октябрьскую революцию. Она ответила на все его заветные переживания, думы, сомнения и решения, которые накапливались годами. В числе очень немногих, самых лучших, честнейших представителей старой интеллигенции он признал высшую историческую правду пролетарской революции и сразу же встал на ее сторону. В январе 1918 года, отвечая на анкету одной из буржуазных газет: «Может ли интеллигенция работать с большевиками?», он сказал прямо, твердо, безоговорочно: «Может и обязана».

Мужественно порвав со старым миром, проклинаемый его витиями и бардами, переступив через многие личные дружеские связи, Блок поднялся на высоту понимания всемирно-исторического смысла и значения Октябрьской революции. «Дело художника, обязанность художника — видеть то, что задумано, — писал он в том же январе 1918 года. — Что же задумано? Переделывать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... «Мир и братство народов» — вот знак, под которым проходит русская революция. Вот о чем ревет ее поток. Вот музыка, которую имеющий уши должен слышать... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

Тогда же, все в том же огненном январе 1918 года, Блок в гениальном порыве выполнил свою обязанность художника — создал поэму «Двенадцать» и революционно-патриотическую оду «Скифы», всемирно прославленные произведения, которыми по праву открывается первая, заглавная страница русской советской поэзии.

Великая историческая заслуга Александра Блока состоит в том, что он связал прошлое с настоящим, завершив своим творчеством поэтические искания всего XIX века, выступил также и одним из зачинателей поэзии нового мира.

Всего девятнадцать лет отделяют «Двенадцать» и «Скифы» от юных событий «Гамаюна». Но сколько событий (и каких событий!) пронеслось за это время над Россией, как изменилась русская жизнь, а вместе с нею и Александр Блок. Далекое зарево, напророченное Гамаюном, ветер истории раздул в «мировой пожар», в котором дотла сгорела старая Россия. Блок утверждал, что он физически, слухом уловил шум крушения старого мира. И, перекрывая грохот и гул этого катастрофического обвала, он приветствовал рождение мира новыми стихами, которые навсегда вошли в наше сознание, в нашу память.

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем.

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!..

В очи бьется
Красный флаг,
Раздается
Мерный шаг...
И выго пылит мш в очи
Дни и ночи
Напролет.
Вперед, вперед,
Рабочий народ!

Александр Блок навеки связал себя — свое имя, свое творчество, память о себе — с нашей великой революцией. Идут годы, изменяется облик мира. Но над поэзией Блока, как над всем истинно прекрасным и благородным, время не властно. Блок утверждал, что настоящая поэзия бессмертна, что могут устареть язык и приемы поэта, «но сущность его дела не устаревает». Вечно молодым остается и Блок. С каждым годом, с каждым десятилетием ширится круг его читателей, растет и крепнет любовь к его несравненным стихам.

С высоты нашего нынешнего исторического дня мы яснее, отчетливее видим сущность того дела, которому посвятил себя Александр Блок, вернее понимаем громадную роль, которую сыграл он в поэзии нашего века, все глубже проникаем в богатый, сложный, многоцветный и многозвучный мир его творчества, согретого «тайным жаром» больших и сильных человеческих чувств.

И сегодня, когда на земле продолжается не утихающая ни на миг борьба между силами реакции и демократии, капитала и социализма, все так же громко, так же настойчиво звучит вдохновенный призыв революционного поэта: «Слушайте Революцию».